

АЛЕКСАНДР СОСКИН

A black and white portrait of Lev Yashin, a Soviet football goalkeeper, smiling and holding a large trophy. The image is set against a blue background with a faint, larger-scale version of the same portrait.

**ЛЕВ
ЯШИН**

Блеск сквозь слёзы

Александр Максимович Соскин

Лев Яшин. Блеск сквозь слезы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6374212

Лев Яшин. Блеск сквозь слезы / Александр Соскин: Алгоритм; Москва;

2009

ISBN 978-5-9265-0710-9

Аннотация

Среди давних и относительно свежих изданий о Льве Яшине книга старейшего спортивного журналиста Александра Соскина выделяется тем, что представляет собой наиболее полную биографию прославленного вратаря с параллельным анализом его спортивных и творческих достижений. Написанная с нескрываемой симпатией автора к своему герою, она меньше всего напоминает сплошной панегирик, привычный для других книг о Яшине, а скорее являет собой удачную попытку отобразить муки и радости живого человека со сложной, драматической судьбой, с присущими ему привычками, страстями, людскими слабостями.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	42
Бесценен, как шедевры «Прадо»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Соскин Лев Яшин. Блеск сквозь слезы

Глава первая Капризные веса истории

Лет сорок назад, в те самые времена, которые я задеваю в этой книге, родились шуточные стишки о бесконечном переписывании истории в угоду очередному вождю, очередному режиму. В концовке издевательски звучало: «Так вот она, история – та самая, которая ни слова, ни полслова не сохнет». В первых строках своего сочинения так и подмывает заверить читателя, что изображение моего героя и его эпохи придадут этим словам вместо иронического прямой смысл. Весы истории и без того капризны, чтобы подкручивать их, уподобляясь базарным торгашам, делающим мелкий гешефт на обвесе покупателя. Когда создавались и втихаря переписывались друг у друга язвительные стишата, никто не мог и предположить, что фокусники исторического обвеса научатся жонглировать ретрофактами почище выкормышей М.А. Сулова.

«Мы живем в печальное время искателей правды», – верно замечает известный публицист Валерий Кичин. Послушаешь этих искателей, и диву даешься: додумались и договорились до шельмования народа-победителя, выигравшего в Великой Отечественной битву за свою и чужую жизнь против фашистского рабства и гибели целых наций, маршала Г.К. Жукова сияются превратить из спасителя проигранных было сражений в губителя солдатских масс, а освободителей – в оккупантов.

Даже ретроспектива такого, казалось бы, невинного занятия, как спорт, подвергается вольному препарированию и прямым искажениям в угоду политической шизофрении. И вот уже шахматный мудрец Михаил Ботвинник предстает перед нами воплощением тоталитаризма, первая наша мировая победительница, «королева коньков» Мария Исакова – «партийной чемпионкой», а общепризнанный лидер мировых и отечественных вратарей всего XX века Лев Яшин – придуманной легендой. При этом им, «монстрам», противопоставляются другие большие спортсмены, выдаваемые то за предвестников свободы, то за носителей народного духа.

Таковыми измышлениями уценивается вечная благодарность первопроходцам наших спортивных побед за честное служение обществу и государству. В то время эти высокие понятия были нераздельны, и сколь неумно, столь же безнравственно сегодня бухгалтерски высчитывать, честь страны или социализма преобладала в их мотивации. Не при-

ходит же в голову осуждать солдат Великой Отечественной войны, отправлявшихся в бой под громогласный клич «За Родину, за Сталина!».

Дай бог сегодняшним звездам служить своей стране, как прежние восходители, тот же Михаил Ботвинник. А что получил в ответ первый советский чемпион мира по шахматам? Только лишнее доказательство своей любимой идеи, что есть предел человеческому уму, но нет предела человеческой глупости. Властные безумцы советских и антисоветских времен обнаружили трогательное единство в нагромождении преград его компьютерным разработкам поистине государственного масштаба. Тоталитарные служаки ограничились шахматному патриарху выезд за рубеж, а демократические на последнем году его долгой жизни (1911–1995) закрыли доступ на Всемирную шахматную олимпиаду в Москве, куда он проник только как... почетный член Шахматной федерации Чешской Республики.

Не смыкаются ли с ними ретивые критики? Как будто им невдомек, что люди из советской спортивной элиты, выдаваемые теперь за порождение административно-командной системы, «вели себя в решающих матчах чемпионатов мира и Олимпийских игр как десантники на фронте». Эти слова принадлежат знаменитому спортивному врачу Олегу Белakovскому, не по рассказам знающему, и как было на войне, и как бились за победу наши футболисты, хоккеисты, другие атлеты, которых он множество раз сопровождал на олим-

пийские и другие крупнейшие спортивные форумы. «Свою седую голову до сих пор преклоняю перед их мужеством», – говорит Олег Маркович, но и из этого отборного строя спортивных воинов с особым чувством отзывается о Льве Яшине, положившем на футбол все свое здоровье.

«Искатели правды» презрительно относятся к спортивному фанатизму, якобы воспитанному советской системой. Но это не фанатизм, а горение души, от системы не зависящее. Его отчаянно вытравляет безбрежная коммерциализация спорта, но не вытравила окончательно, судя по финалам Кубка Дэвиса 2002, 2006 годов и Кубка федераций 2005 и 2008 годов, где российские теннисисты и теннисистки при всех своих миллионах костями ложились ради победы страны. Увы, среди спортсменов, как, собственно, во всем обществе, гораздо больше нравственно порченных, чем в незапамятные времена, их целые отряды, возглавляемые, к сожалению, футболистами с их волчьими аппетитами к баснословным барышам.

Кому-то давно ушедшая натура напоминает лавку древностей, в которых незачем, а то и противно копать, для меня же это большой кусок жизни, поэтому, может быть, особенно возмущает бесцеремонность обращения с ретрофактурой некоторых ее поставщиков на рынок новой, свободной (видно, от всяких приличий) информации, а иногда и полная индифферентность к былому потребителей этого рынка. Оторопь берет, когда узнаешь, что полным-полно школьников

и студентов не ведает, кто такие Михаил Иванович Глинка, Константин Эдуардович Циолковский, Илья Ефимович Репин – что же тогда говорить о футболистах прошлого?

Внук Льва Ивановича Яшина Вася Фролов, последовавший тоже по вратарским стопам и включенный в заявку «Динамо» на матчи премьер-лиги 2006 и 2007 годов, около десяти лет назад занимался в детской футбольной школе «Торпедо» и поделился тогда дома открытием, что про его деда однокашники, юные футболисты, слышать не слышали. Как-то мой знакомый, вполне интеллигентный врач и футбольный болельщик, только перешагнувший возраст Христа, спросил, над чем работаю. Я как раз приступил тогда к рукописи о Сергее Сальникове и поинтересовался:

– Знаете такого?

– К сожалению, нет, – развел руками собеседник.

Хоть смутился, и на том спасибо.

Уверен, подобное неведение в той же Англии исключено. Спросите британского фана в любом возрасте, и он вам объяснит, кто такие Дикси Дин и Джек Милберн. Похоже выглядели и наши болельщики в мои юные годы. И это несмотря на полное отличие от старушки Англии в снабжении любителей футбола достаточной информацией. Ее заменяла тогда футбольная молва, питавшаяся искренним интересом людей. В толпе футболоманов, каждый день часами торчавших у входа на Западную трибуну Центрального стадиона «Динамо» под сенью огромного фанерного щита с таблицей чемпиона-

та страны, горячо обсуждалось не только положение команд в сей таблице, но и немеркнущие подвиги великих игроков.

Ветераны трибун с придыханием вспоминали завораживающие финты Сергея Ильина, а самого его провожали восхищенным взглядом, когда этот колобок катился со своим неизменным чемоданчиком из метро на родной стадион, где продолжал работать администратором динамовской команды. Мы цокали языком, будто видели наяву, когда в этих устных мемуарах зависала в высоченном прыжке огненно рыжая голова Федора Селина или, согласно легенде, ломали штанги смачные, увесистые удары Михаила Бутусова.

Уже начинающим журналистом в мае 1958 года я случайно попал на юбилейный пленум Секции футбола СССР, посвященный 60-летию отечественного футбола: в пресс-бюро Центрального стадиона имени В.И.Ленина, где я участвовал в работе над программой к матчу СССР – Англия, кто-то попросил отправиться туда, чтобы передать пакет Марку Борисовичу Розину (недавно скончавшемуся в возрасте 97 лет), и для этого милостиво снабдил пригласительным билетом в Октябрьский зал Дома союзов, где проходил пленум.

Я разыскал Розина в перерыве, застав беседующим за сценой с самим Михаилом Павловичем Бутусовым. Мое наивное сердце затрепыхалось от счастья, когда легендарный бомбардир пожал мне руку, да еще в джентльменском полупоклоне. Сидя в небольшом уютном зале, я испытывал такое же благоговение, заметив сидевших справа, слева, сбоку

героев довоенного футбола. Вот Петр Ефимович Исаков по прозвищу Профессор, рядом примостился предшественник Бутусова, тоже знатный «забивала» – Павел Николаевич Канунников, а это непревзойденный кипер Николай Евграфович Соколов, тут же могучий хав Евгений Иванович Елисеев... Откуда я знал их всех в лицо, понятия не имею. И судя по общению на «Динамо» с себе подобными, не один я был из таких молодых, да ранних.

Из теперешнего же трибунного контингента, заметно, к слову, поредевшего, не всякий даже пофамильно припомнит гремевших еще не так давно футбольных звезд. Разве только ослепительных знаменитостей, вроде Льва Яшина или Эдуарда Стрельцова. Ответственный за маркетинг в издательстве «Книжный клуб», выпустившем десятка три красочных книг про старых мастеров, поведал мне, что высокопоставленный чиновник футбольного клуба «Динамо» на предложение издательства последовать примеру ЦСКА и приобрести для ветеранов и юной поросли блок таких книг о премьерях команды 40—50-х, как отрезал: «ФК «Динамо» существует с 1991 года».

А отрезал-то ни больше ни меньше – славную историю динамовского футбола, ведущую начало с 1923 года, вместе с самим Львом Яшиным, да еще Михаилом Якушиным, Алексеем Хомичем, Константином Бесковым, Василием Трофимовым и другими предшественниками бесславного ФК. И среди других причин опустила этот самый ФК на самое дно

отрубленность динамовских традиций, вполне замененных некомпетентностью и алчностью клубного генералитета. Эти совсем не добры молодцы умудрились, не обидев себя, промотать вместе с бешеными деньгами и богатое спортивное наследство незабвенных игроков. Когда динамовская директория отказывалась хоть как-то отметить столетие того же С.С. Ильина, но не забывала оповещать по стадиону о своих днях рождения, это называется бесчестьем. Не говорю уже о том, что сменяющие друг друга руководители динамовского футбола, какими бы бюджетами ни располагали и как бы ими не распоряжались, обнаруживают поразительное сходство в полном отсутствии чемпионских амбиций, которыми было заражено старое «Динамо». Мало того, что такой подход не вяжется с ослабевшими, но все еще тлеющими чаяниями поклонников команды, за 33 безнадежных года забывших вкус настоящего успеха. Это теперь, по-моему, не вяжется и с деловой амбициозностью нового владельца – мощного банка ВТБ, которому пора бы жалкое существование «Динамо» прервать. Хотя бы ради своей репутации!

Не хочу огульно хаять новые поколения. В чем-то они лучше наших, послевоенных. Хотя бы в том, что более независимы. Но не зря говорится, что человеческие недостатки суть продолжение достоинств. Независимость от прошлого, от заветов предков, пренебрежение к старшим, старости, старине, глухота к отзвукам истории, к доблестям рыцарей минувших времен, отрыв от корней и традиций легко по-

полняет реестр общественных пороков. И смыкается в своей аморальности с наплевизмом на будущее, приобретающим невиданные ни в одной стране миллионные масштабы сиротства при живых родителях, бродяжничества, наркомании, бесследного исчезновения и самоубийств детей. Отказ от исторического, национального, кровного, материнского родства трубит сигнал тревоги за инстинкт самосохранения нации.

Нужны колоссальные усилия власти и всего общества, чтобы шаг за шагом преодолевать эту социальную патологию, избавляться от амнезии, исторического беспамятства. «С чего это нам забивать голову историей, ковыряться в этом мусоре?» – спросил меня как-то молодой циник с напускным утомлением на пустоглазом челе. Вообще-то ответ на вопрос, для чего знать, для меня так же прост, как на вопрос, для чего жить. Жить, чтобы жить. Знать, чтобы знать. Знать, уважать, «ворошить» прошлое – естественная человеческая потребность, чтобы не быть Иванами, не помнящими родства.

Футбол не исключение – он ведь повод не только для тусовки и мордобития, как застолбили некоторые представления последнего десятилетия. Для нормальных людей футбол ценен и самодостаточен в разных проявлениях, будь то клубные пристрастия, эстетика игры, статистика результатов, судьба национальной сборной. И какое из них ни возьми, без обращения к истории не обойтись.

Футбол настолько социален и эмоционален, что немислим без постоянного обмена мнениями, горячих обсуждений, а те, в свою очередь, – без сравнений, сопоставлений в пространстве и времени. Слава богу, в новые времена то и дело мелькают перед глазами, наводя на параллели с нашим футболом, телевизионные образы сборных Бразилии и Германии, «Челси» и «Барселоны», Зидана и Рональдиньо. Но как не учитывать, что и мы располагали победительной сборной, что европейскому триумфатору 2005-го – ЦСКА предшествовала легендарная «команда лейтенантов» – ЦДКА, что образцами для подражания во всем футбольном мире признавались, а для нас и теперь должны служить Игорь Нетто и Лев Яшин. Не забудем, следуя китайской пословице, что «камни прошлого – ступеньки на пути в будущее».

Какой-то умница, кажется, Михаил Шолохов, сказал: «Кто мало знает, с того малый спрос», а у нас спрос с футбольного сообщества – игроков, тренеров, арбитров, администраторов – неизменно огромный (хотя и не удовлетворенный). Так что ретрофутбол требует внимания и достойного освещения. Интерес к нему отнюдь не антикварный, хотя и антиквариат по-своему любопытен. Но любопытства, может, еще хватает – любознательность в дефиците. Без нее же, без постижения глубин не извлечь уроки истории, а это насущно необходимо вопреки известному парадоксу: «главный урок истории в том, что люди не извлекают уроки истории».

Не зря молвят, что новое – это хорошо забытое старое. Ес-

ли бы из советского опыта в новые времена был своевремен-но захвачен государственный подход к футболу, глядишь, не ужались бы в своем количестве и не проигрывали бы в качестве подготовки игроков детские футбольные школы, а их выпускники не срамили бы Россию в восьми(!) чемпионатах мира и Европы подряд. Свобода настолько застигла глаза своим радетелям, что первым делом освободила их от элементарных государственных забот, придав хаос неуправляемости даже важнейшим сферам жизнеобеспечения, не говоря уже о «каком-то» футболе.

Между тем, и в «сороковые роковые, свинцовые, пороховые» он оставался делом государственной важности. Достаточно сказать, что основная масса мастеров футбола, наряду с видными учеными, музыкантами, актерами, подлежала освобождению от мобилизации в действующую армию. Были, таким образом, сохранены, как значились в документах, «штатные» футбольные команды, приступившие к соревнованиям в самый разгар войны. Эти матчи давали передышку изнуренным людям, служили предвестником мирной жизни, а едва она наступила, сразу стали и на годы оставались светлым пятном в довольно мрачном послевоенном существовании.

Приравненный в войну как важный род деятельности к науке и искусству, футбол и в 90-е, не менее мрачные житейским обвалом, сохранил с ними паритет, но уже в пренебрежительном отношении государства, иными словами, в

мерзости запустения. Опомнились с преступным запозданием, когда уже забрезжила заря XXI века. Но возвращенный, кажется, из забвения и даже видоизмененный соответственно произошедшим переменам, государственный подход таит серьезные опасности. Недавнее прошлое настоятельно предупреждает, что государственная поддержка может потянуть за собой антиспортивное вмешательство сильных мира сего, подковерную борьбу за сферы приложения различных интересов. Законспирированная подноготная былого футбольного величия тоже по-своему поучительна.

История советского футбола хранит немало тайн. Огорчительно, что раскрыть их порой неизмеримо труднее, чем секреты политической истории или истории культуры, где гласность и свобода слова (при всех ее завихрениях) стерли уже немало белых пятен, как принято называть исторические пробелы и туманности. Футбол (как и весь спорт) оказался в проигрышном положении главным образом потому, что не располагает богатыми специальными архивами и внушительным отрядом архивистов и историков. Только три-четыре человека, разгребая архивные залежи, ищут футбольную истину в старых документах, в то время как открывшаяся с перестройкой относительная доступность партийных, государственных и литературных архивов используется многими десятками специалистов и публицистов, интересующихся более глобальными темами. Да и не все «телодвижения» властей, особенно в закрытом обществе, обяза-

тельно документировались. А в футболе, где ко всему полагалось скрыть запрещенное ФИФА вмешательство государства, – тем более.

Вряд ли кому-то придет в голову предположить, например, что существуют письменные следы руководящего указания освободить от работы тренеров сборной СССР Константина Бескова и Василия Трофимова после поражения в финале Кубка Европы 1964 года от «испанской фурии», как называют национальную команду этой страны. Приговор был зафиксирован постановлением президиума Федерации футбола СССР, а она, как известно всякому, кто имел даже отдаленное касательство к «королю спорта», самостоятельно никогда не принимала серьезных решений и только оформляла распоряжения вышестоящих партийных и государственных чиновников. Но если в этом случае легко догадаться о причинах подобного развития событий (поражение от «франкистов», да еще на глазах ненавистного генералиссимуса), то во многих других пружины поистине удивительных явлений футбольной действительности допускали самые разноречивые толкования.

При таких обстоятельствах на помощь обычно приходят исторические исследования и воспоминания очевидцев или участников событий. Исследованиями в футболе и не пахнет, с мемуарами чуточку лучше. Но если в общественно-политической, литературной, артистической среде мемуаристов пруд пруди, то футбол и здесь отстает. Футболисты и

тренеры не столь «писучи», как государственные, ученые и литературные мужи, режиссеры и актеры, чье предложение разных точек зрения на одни и те же события пусть и не сто-процентно удовлетворяют спрос на истину, но более или менее приближают к ней. В футболе же при скудости первоисточников такое приближение зачастую проблематично.

В советские времена наиболее плодовитыми и интересными мемуаристами зарекомендовали себя основатели «Спартака» братья Николай и Андрей Старостины, выпустившие по нескольку ярких книг. Но из них только «Футбол сквозь годы» Н.П. Старостина появился в эру гласности (1989), когда люди, не связанные прежними табу, стали вольны высказывать все, что наболело. В эти же и более поздние годы накатила целая волна мемуаров и жизнеописаний игроков, правда, историческая публицистика осталась уделом немногих энтузиастов.

Тем не менее история футбола стала объемнее, окрасилась человеческими переживаниями, пополнилась любопытной фактурой, но все же достаточно бедна, если сравнивать с другими сферами общественных интересов и потребностями в ликвидации собственных белых (по сути-то скорее темных) пятен, неразгаданных тайн.

Истоки неполноты наших исторических представлений следует искать и в информационной скупости советской прессы. Это, разумеется, относится также к футболу, кото-

рому было указано свое место на задворках политической информации, тем более что до 1960 года, когда появился на свет одноименный еженедельник, народная игра не располагала даже специализированным информационным источником. В единственной, но малообъемной спортивной газете («Красный», впоследствии «Советский спорт») привилегированное положение футбола среди спортивных дисциплин с трудом прорывалось сквозь навязанное сверху ложное представление об их равенстве, но все они ущемлялись в объеме материалов заданной сверху обязательностью широкого освещения всевозможных физкультурных починов.

Если, допустим, многостраничная британская, да и любая «буржуазная» пресса с какой-то даже плотоядностью нездорового интереса отслеживала любые подробности футбольной жизни, составившие позднее каркас исторических сюжетов, то советская печать не могла построить его для будущих поколений в силу этих самых «территориальных», но главным образом идеологических ограничений. Мало того что футболу негде было разгуляться, резервные строки и полосы не всегда могли ему пригодиться, ибо нельзя было распространяться то об одном, то о другом. Фигура умолчания в идеологическом раже дополнялась приглаженной, затуманенной, а то и вовсе искаженной информацией. В общем, советская пресса была не в состоянии стать достаточным историческим источником.

Упущенные мной самим возможности в реконструкции

важных эпизодов биографии отечественного футбола выдают и нашу общую журналистскую вину в нежелании или неготовности заниматься историческими разысканиями. Очки, голы, секунды часто заслоняли от журналистов подоплеку спортивных событий, живую плоть явлений и характеров. Мы мало интересовались суровыми реалиями внутрикомандного существования, редко заглядывали за границы футбольного поля во многом еще и потому, что в силу цензурных ограничений эти реалии не были востребованы открытой печатью. Нет чтобы проявить естественный человеческий интерес – пусть не для печати, так для себя, как говорится, для внутреннего пользования, – но были, прямо по Пушкину, слишком ленивы и нелюбопытны. А когда по прошествии времени бросились вдогонку за событиями, расспрашивать стало некого или бесполезно – их участники и очевидцы поумирали или многое позабыли. Так образовались исторические лакуны, а если они закрывались, то порой односторонними, не всегда беспристрастными суждениями.

Все эти лимиты и упущения легко просматриваются на примере такого распространенного у нас (более чем где-либо) явления, как договорные игры. О них начали шушукаться еще в 60-е годы и даже немного заговорили вслух в 70-е, но идеология советской эпохи ставила преграду даже намекам на обобщения, признанию таких подтасовок опасным социальным феноменом, таящим реальную угрозу разложения спорта и спортсменов. Чистоту советского мунди-

ра власть опасалась замарать и выведением на чистую воду виновников и практиков купли-продажи матчей, как это решительно сделали в конце 70-х итальянцы, не пожалевшие даже великий «Милан», и французы, в начале 90-х отдавшие на растерзание обещавший стать великим «Марсель», а уже в начале XXI века объявили войну махинациям в Германии, Бразилии и снова в Италии – странах неоднократных чемпионов мира.

Но не зря говорят, что тот, кто пренебрегает уроками прошлого, обречен пережить его вновь. Никакие уроки из «нашенской» истории этих фальсификаций извлечены не были, корни не вырваны, и в новые российские времена, с полной коммерциализацией футбола, расцветом крупного и мелко-го мошенничества во всей экономике, о подкупе игроков и арбитров неведомо только слепым и глухим. Но шила в мешке не утаишь, и рано или поздно оно выползет наружу. Примеры налицо.

В 2001 году в телепрограмме «Независимое расследование» Евгений Ловчев сделал сенсационное разоблачение, признав, что три десятка лет назад отдавали очки за мзду даже спартаковцы. Почему «даже»? Да потому, что в общественное мнение усиленно внедрялось убеждение: продажей игр занимался кто угодно, только не «Спартак». Как и Ловчев, не сомневаюсь ни секунды, что руководители команды той поры Николай Старостин и Никита Симонян не имели к этому позору никакого отношения, от них несколько мздо-

имцев свои махинации тщательно скрывали (как и динамовские прохиндеи – от Льва Яшина). Но полагая, что прекрасные спартаковские традиции представляют собой пожизненную прививку от продажности, Николай Петрович лишь укрепил свою репутацию неисправимого романтика, по крайней мере в некоторых подходах к футболу. А романтики при всей их привлекательности и явном гражданском превосходстве перед циниками, что ни говорите, порой теряют чувство реальности.

Потому-то я никогда не был уверен в полной достоверности ярких воспоминаний Н.П. Старостина. Прежде всего по той причине, что ему свойственна некоторая идеализация «Спартака» (и подозрительность к другим клубам), а история не признает ни односторонности, ни умиленности (не допускаясь, мне кажется, Ан. П. Старостиним). Объективность исторических суждений вырисовывается обычно в столкновении мнений и оценок, и если, скажем, в истории Великой Отечественной войны или истории литературы каждое заинтересованное лицо имеет возможность, суммируя и процеживая аргументы и факты, выбирать для себя наиболее приемлемые по убедительности, то применительно к футболу какое-либо «штучное» свидетельство зачастую остается доминирующим, а то и единственным. Это относится и к литературному наследству братьев Старостиных, особенно к их взгляду на события 20—30-х годов.

Николай Петрович и не скрывал, что всегда судил о про-

исходящем под спартаковским углом зрения, даже подкреплял свою позицию пушкинской строкой: «Но царь смотрел на все глазами Годунова». Примеров тому немало. Вот самый известный, когда футбольный патриарх в своих мемуарах обошел явную скандальность спартаковской победы 1937 года над басками со счетом 6:2, сопровождавшейся демонстративным уходом гостей с поля в знак протеста против засчитанных голов из офсайда и выдуманного пенальти, так что вернуть их к игре смогли лишь уговоры кого-то из советских лидеров, будто бы самого В.М. Молотова. Николай Петрович помянул мимоходом лишь этот пенальти, оценив его «глазами Годунова» как стопроцентный.

Более любопытным и показательным в старостинской версии давних событий мне кажется вот что. «Спартак» зачинается чуть ли не главной жертвой верховно-политических козней, грубого бериевского произвола. Смею вас уверить, что «Спартак» во властных преследованиях не одинок. Можно напомнить и хрестоматийный пример разгона ЦДСА в 1952 году, и малоизвестную реакцию Л.П. Берии на жалобу в 1947 году вечно засуживаемых тбилисцев, к которым он якобы благоволил, – выгоняя из кабинета Бориса Пайчадзе и Гайоза Джеджелаву, сатрап кричал им вслед: «Ты посмотри на них, идут на втором месте и еще недовольны. После Москвы, впереди всех республик. Москва есть Москва – зарубите себе на носу». Зарубить они не пожелали, и в 1953 году, уже после Берии, верховные жрецы, аннулировав чи-

стый выигрыш у «Торпедо», первенство у них отняли как раз в пользу «Спартака».

Так что далеко не всегда спартаковцев можно было отнести к жертвам политических страстей. В иные времена они ходили и в фаворитах высокопоставленных вельмож. Рассказывая в своих мемуарах о 12-летнем (1977–1988) периоде совместной работы с К.И. Бесковым, Николай Петрович как партизан молчит об активном патронаже спартаковского болельщика № 1 – члена Политбюро, впоследствии Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко, благодаря кому и стал возможен перевод Бескова, действующего офицера МВД, на гражданскую службу и решались неподъемные для других (исключая подшефных В.В. Щербицкому динамовцев Киева) кадровые, материальные, бытовые проблемы «Спартака».

Да и с пресловутым Берией у Николая Петровича не сходятся концы с концами. На него Старостин возлагает прямую вину за беспрецедентную переигровку кубкового полуфинала 1939 года уже после разыгранного финала, когда это обстоятельство не помешало принять протест тбилисского «Динамо» на полуфинальный результат (0:1). Но собственное расследование этих невероятных событий привело меня к большущему сомнению, что переигровка – дело рук Берии.

Только появившийся в Москве, не обросший связями, еще не ставший полноправным членом Политбюро (пока только кандидатом), по горло занятый по заданию И.В.Ста-

лина восстановлением дотла разрушенной репрессиями легальной и нелегальной разведки, Берия вряд ли мог оказать решающее влияние на решение пусть не самого важного для страны, но достаточно деликатного футбольного вопроса. Особенно после того, как по протесту сталинградских рабочих был на самом верху отменен перевод оттуда (под маркой воинского призыва) Александра Пономарева в «Динамо», а Василия Проворнова в ЦДКА.

Кое-какие факты, в том числе и приведенные в старостинских воспоминаниях, натолкнули меня на предположение, что закоперщиком злосчастной переигровки был А.А. Жданов. Он уже считался политическим тяжеловесом, недаром безнаказанно при случае произносил: «Мы с товарищем Сталиным решили...» Не чуждый футбольных страстей, замеченный (в отличие от многих других политических небожителей) в служебных подтрибунных помещениях, вмешивался в решения о переходах игроков и, представляя в верховной власти Ленинград, мог быть прямо заинтересован в пересмотре результата полуфинала. Не за тем ли, чтобы обеспечить вслед переигровку финала, где «Спартак» успел победить (3:1) ленинградскую команду «Сталинец»? Но этому не суждено было случиться: спартаковцы молодцы – вторично обыграли тбилисцев (3:2), так что коварный замысел рухнул. И в данном случае геростратова слава скорее принадлежит Жданову, чем Берии. На том висит столько неблагоприятных и преступных деяний, что «приписки» ничего не

меняют, да и вообще ни к чему.

Так что вопреки уверенности Александра Нилина, будто «у нас никогда не будет оснований не доверять благородным братьям Старостиным», я, как видите, позволяю себе покушаться на «святое», выставляя против версии авторитетного Н.П.Старостина свою, основанную на изучении политического расклада, так что интересующиеся историей футбола могут выбирать из разных гипотез. И совсем уж рискую взять под сомнение это самое благородство, в котором сам был уверен и по делам Николая Петровича, и по личному знакомству. Но незадолго до того, как сел за эту рукопись, услышал от известного историка футбола Игоря Добронравова, которому полностью доверяю, об одном эпизоде, рассказанном ему внушающим не меньшее доверие Сергеем Сергеевичем Ильиным.

В сентябрьско-октябрьские дни 1941 года, когда немецкие захватчики стояли уже у порога Москвы, тот случайно встретил на улице Горького, ныне Тверской, Николая Петровича. Давно не виделись и разговорились. «Никогда не забуду, – это слова из интервью Сергея Сергеевича, – как весьма знаменитый футболист команды соперников – он и сейчас на гребне славы – с ехидцей стал выражать динамовцам сочувствие за те тревоги, которые они испытывают, за их возможный расстрел как агентов НКВД, если гитлеровцы войдут – а он был в этом уверен! – в столицу. «А нам, – добавил он, – все равно, что Сталин, что Гитлер, мы, футболисты, прожи-

вем при любом режиме».

Немея от такого неприятного открытия, не приходится утешаться даже слабым предположением, что это был мрачный юмор, неудачная шутка, да и в шутниках Николай Петрович никогда замечен не был. Вот такую неожиданную окраску приобретает вопрос, верить ли безоговорочно «благородным братьям Старостиним» (хотя они не одним миром мазаны, и мне, например, были симпатичнее, хотя бы большей объективностью, насмешливо-ироничный интеллектуал Андрей Петрович и степенный, далекий от околофутбольной суеты Александр Петрович). Но я так надолго задержал внимание читателей вовсе не для того, чтобы подставиться под упреки за попытку дискредитировать Н.П.Старостина.

Сразу оговариваюсь: жаль, что редакция журнала «Динамовский футбол» (№ 1, 1992), поместившая обширное интервью с С.С. Ильиным, обнародовала процитированную выше версию без персонального упоминания (но с достаточно прозрачным намеком на Н.П.Старостина, а редактировавший журнал И.С. Добронравов подтвердил мне, что речь шла именно о нем). Жаль потому, что лишила Николая Петровича возможности ответить.

Вопрос о том, надо ли публиковать непроверяемые сведения, всерьез давно не обсуждается. Если они представляют общественный интерес, ответ утвердительный. Лиши мемуаристику или жизнеописания свидетельств подобного толка, убери диалоги и другие подробности, не подлежащие доку-

ментированию, такие публикации потеряют половину исторической ценности и читательской привлекательности. Другое дело – кому и чему верить. Это каждый решает для себя. В данном конкретном случае, признаю, я просто теряюсь.

Такого рода информация наших людей способна шокировать, а в так называемых цивилизованных странах привычнее иное, раздельное отношение к разным граням личности: если даже поверить, что прискорбный факт имел место, разве может быть подвергнута сомнению историческая роль Н.П. Старостина в создании и процветании «Спартака», в биографии отечественного футбола? Точно так же, как реакционные политические взгляды Кнута Гамсуна или Герберта фон Караяна не отменяют их литературной либо музыкальной грандиозности. Но воспроизведенная здесь версия понадобилась в данном контексте для понимания, что вес имени – не охранная грамота от ошибок и заблуждений самых авторитетных лиц, так что стоит поостеречься от слепого доверия их мнению.

Предметный разбор громких футбольных событий, который выше воспроизведен в кратком изложении, лишь подкрепляет вред монополизации в исторических суждениях и осуждениях. Старостины, разумеется, не виноваты в монополии на освещение перипетий 30-х годов. Наоборот, честь и хвала им за то, что сочно, образно, объемно воссоздали общественную и спортивную атмосферу того времени, на многое открыли нам глаза. Беда в том, что больше никто из ме-

муаристов не высказался на те же темы достаточно внятно, а одиночные исследователи ничего иного ни в архивах, ни в прочих источниках не раскопали.

В отражении футбольной действительности 50—60-х и тем более последующих годов прежней монополии формально уже не существует. Но ошибочно полагать, что исторические подвохи, вроде упомянутых, нам уже не грозят. Судите сами. В последнее время появилось немало мемуаров, биографических книг, интервью с ветеранами, журналистских публикаций об эпохе Нетто – Яшина – Стрельцова. Но на фоне этого многоголосья прямо-таки выпирают настойчивые попытки отдельных лиц в бесчисленных книгах, статьях, телевиступлениях агрессивно навязывать свои взгляды и даже целые исторические концепции, противостоящие точке зрения мемуарного и публицистического большинства. Фактически мы имеем дело с претензиями на своеобразную монополизацию в трактовке футбольных событий и их ключевых фигур. И такое своеобразие больно, несправедливо цепляет Льва Ивановича Яшина.

Неагрессивное как раз-таки большинство (вопреки известной формуле «рупора демократии» Ю.Н. Афанасьева) в своих высказываниях нового времени лишь добавляет любопытные штрихи в привлекательный портрет Яшина, который сложился еще в годы его выступлений на футбольных аренах. Правда, тогда этот портрет, напоминая творения Александра Лактионова и Александра Шилова, отдавал некото-

рой приторностью в духе принятого пропагандистского стиля советской эры. И первые негативные черточки, внесенные в привычный яшинский образ, можно было расценивать как реакцию на такой перебор. Но позже в нагнетательности выпадов, брызжущих из-под одних и тех же перьев, я уловил вполне определенную позицию, направленную на недружественное умаление личности и заслуг Яшина за счет искусственного возвышения других фигур. А это уже иная историческая конфигурация.

И вот результат. У футболиста-новатора отнимается и присваивается другим вратарем патент на изобретение неизвестного прежде оригинального игрового приема, футбольный трудоголик оказывается отъявленным лентяем, почти патологический скромница, лишенный всякого пафоса в поведении и каких бы то ни было, в том числе материальных привилегий перед остальными футболистами, превращается в «номенклатурное» лицо. Что ж, знакомая уже нам история – «та самая, которая...».

Я и прежде, в 60—70-е годы, немного писал о Яшине. Но когда начитался летописного новодела, возникла неодолимая потребность защитить его от кощунственных нападок. Признаюсь, спрашивал себя: а нуждается ли Яшин в защите? Он же защищен безупречной национальной и международной репутацией, непререкаемостью знаков официального признания в футболе, не напускным, искренним уважением коллег – от Пеле до Сергея Овчинникова. Защищен и на-

родной памятью – во множестве живы-здоровы люди, видевшие его в деле, а им абсолютно ничто, кроме разве что слушающейся иногда слепой клубной враждебности, не мешало отложить в сознании образ, даже символ вратарской, игроцкой, спортивной, человеческой надежности, которая до самой верхотуры стадионов доносила, а на телеэкранах только укрупняла профессиональную ответственность и мужество этого человека.

Если Яшин и нуждается в защите, то лишь от недобросовестных интерпретаций, заразных прежде всего для новых поколений любителей футбола, ибо сами они наблюдать его не имели возможности, а потому полностью открыты для чужих впечатлений. Тем более что негативная информация особенно соблазнительна для неразборчивой публики, впитывается ею сладострастно. Так что защитить Яшина – это в первую очередь защитить правду, пусть от единичных, но языкастых толкователей, ловко, а иногда даже талантливо, что особенно опасно, перемешивающих реальные представления с извращенными.

И совсем не удивляет, что в стране сплошных извращений, где старики содержат на нищенскую пенсию безработных или беззарплатных взрослых чад, где уродливость рыночной экономики провоцирует массовое обращение к натуральному хозяйству (а без участков и огородов многим не выжить), где запуганные граждане боятся не только преступников, но и милицию, где матери бросают новорожденных,

а толпы беспризорных и бомжей рассеиваются по городам и весям, где воры сидят не в тюрьме, а в роскошных поместьях и властных кабинетах, совсем уж ничего не стоит извратить правду о каком-то футболисте, будь он хоть трижды мировое светило.

И чего добились, если естественный протест против прежнего идеологического единообразия и идеализации признанных героев оборачивается отнюдь не джентльменским набором инсинуаций, наговоров, подковырок? Между прочим, это дурно характеризует и общественную атмосферу, толкающую конвертировать свободу мнений в откровенные или завуалированные выпады.

Чудной мы все-таки народ. Как никто озабоченные своим национальным величием и крутой кривой его падения, недовольные западной скупостью в признании наших ученых, писателей, кинематографистов, звезд шоу-бизнеса, зажимом наших спортсменов, реализуем сей комплекс неполноценности принижением тех немногих, кто наподобие Яшина, ценим и почитаем остальным миром. Что ж, мировое общественное мнение для нас не указ. Или, как подметил Владимир Высоцкий, «мы сами знаем, где у нас чего...».

Потому-то, среди прочего, нас и не понимает Европа. Когда она носилась в 70-х годах с советскими диссидентами, начисто забытый уже Тарсис, оказавшись в Англии, быстро потерял к себе интерес и уважение, потому что беспрерывно и грубо «поливал» Л.И. Брежнева, а неуважительное от-

ношение к национальным лидерам там не принято. Фильм Александра Сокурова «Телец» потому и был фактически отвергнут на Западе, что ни критика, ни публика так и не смогли понять, как можно было показывать В.И.Ленина идиотом – «вы можете не принимать его идеологию, можете даже ненавидеть, но это одна из крупнейших личностей XX века, оказавшая влияние на весь его ход». Цитируя этот итальянский комментарий к сокуровскому пасквилью, я размышляю о том, почему хулители Яшина, да и не его одного, не позволяя, слава богу, подобных крайностей, все же не желают отказывать себе в удовольствии замахиваться на Гулливеров, выкрикивать гадости им вдогонку, или, как говорится, кусать льва (еще и по имени Лев) за пятку.

Чем бы ни были мотивированы попытки переоценить некоторые футбольные ценности, вытащить по кирпичику из яшинского пьедестала, оттяпать кусочек его славы – личными ли предубеждениями, неумеренной политизацией суждений или завистью пары коллег по вратарскому цеху – все это проделки людей из племени кусочников. Такого слова не найти ни у В.И. Даля, ни у С.И. Ожегова. Оно скорее всего жаргонное, зато точное. Им послевоенная ребятня наделяла жлобов, мелких и мелочных людей, которым что-то жалко для других. Кусочники поскупились даже на элементарную лояльность к Яшину.

Общероссийский дефицит душевной щедрости нашел выражение в крохоборстве кусочной дозировки добрых наме-

рений. Для Яшина их оказалось жалко и в родном «Динамо». К 70-летию Льва Ивановича (1999) рассматривалось предложение присвоить московскому стадиону «Динамо» второе, яшинское имя. Однако тогдашний шеф футбольного клуба Николай Толстых это предложение отверг. Взял в союзники динамовских ветеранов, которые идею восприняли ревниво и не поддержали. Может, им действительно трудно было понять, что единственный динамовец, кто тянет на положение знаковой фигуры, на международный пиетет, это Яшин. Но для понимания динамовских руководителей было вполне доступно. Так нет, они заручились еще отрицательным мнением вдовы Яшина – Валентины Тимофеевны. Как сам прославленный вратарь никогда не кичился, что он Яшин, так и жена не была приучена выставлять его славу напоказ.

Но вот Толстых, немало повинный в том, что «Динамо» при равных стартовых условиях проиграло российскую дистанцию почти всем столичным клубам, вынужден был передать бразды правления динамовским футболом Юрию Заварзину. Смена власти никоим образом не улучшила, только усугубила положение команды, однако новые хозяева положения преподнесли как прогресс внимание к памяти Яшина. Идея присвоения стадиону имени первого вратаря мира была вытащена из архива, но оказалась реализована в усеченном варианте: так решили назвать только одну трибуну – почему-то Западную.

Уверен, как и многие другие, что Яшин заслуживает всей

полноты добрых начинаний. Правда, есть такие, кто считает, что это нормально – в той же Англии именами известных игроков называют трибуны стадионов и даже какие-то сектора стадионных территорий. Но Англия – в данном случае не лучший пример, который следовало бы взять за образец. Там длиннее и богаче история футбола, она полна знаменитостями – стадионов не хватит. Да и традиции английского консерватизма не позволяют менять, даже модернизировать названия, существующие по сотне и более лет.

Мне почему-то ближе другие примеры: в Милане стадион «Сан-Сиро» носит второе имя – знаменитого форварда 30-х годов, двукратного чемпиона мира Джузеппе Меацца; в Ливорно местная арена названа в память лучшего «либеро» 60-х Армандо Пикки; в Мадриде стадион «Чамартин» получил имя владельца «Реала» золотой поры 50-х Сантьяго Бернабеу; переименованием стадиона в Будапеште золотыми буквами вписан в историю своего родного клуба «Кишпешт – Гонвед» феноменальный Ференц Пушкаш; в Кайзерслаутерне к названию городского футбольного ристалища добавлено имя местной мегазвезды – капитана сборной ФРГ, чемпиона мира 1954 года Фрица Вальтера. Я уже не говорю о том, что у нас и в ближнем зарубежье сложилась традиция нарекать великими именами стадионы не кусками, а целиком. Так в Москве увековечены Григорий Федотов, Всеволод Бобров (ледовый дворец ЦСКА), Эдуард Стрельцов, Игорь Нетто, в Тбилиси – Борис Пайчадзе, в Киеве – Валерий Ло-

бановский.

Лев Яшин достоин подобного отношения ничуть не меньше, если не больше. Память о нем, правда, закреплена и в двух скульптурных композициях (на «Динамо» и в Лужниках), и в названиях Фонда социальной защищенности спортсменов, детско-юношеской футбольной школы, переименованной (2007) в Центр подготовки футболистов «Динамо», той самой трибуны динамовского стадиона. Но как-то разменена по более дробным объектам, а махина-стадион напоминал бы о такой заметной фигуре крупно и зримо. В полном соответствии с тем, что Яшин воспринимался современниками и вписался в историю как глыба, скала, как живая эмблема целой футбольной эпохи и принадлежащего ей поколения победителей. Слава богу, эта очевидность легко поддавалась пониманию новых владельцев ФК «Динамо» из крупного банка ВТБ, озвучивших свое намерение присвоить имя вратаря динамовской арене после грядущей реконструкции.

Наиболее отчетливо и выпукло представлял Яшин свое боевое поколение – не советских роботов, какими их теперь силятся иногда изобразить, а людей, на которых можно было положиться. Гулкое эхо той поры важно уловить без скрежета «железом по стеклу», когда знакомые мелодии искажены чужеродными звуками модных сегодня аранжировок. Хочу заразить читателя собственным убеждением в том, что и сквозь фильтр времени Яшин, прямо по известной песне,

«каким был, таким остался». Специалистом своего дела, каких футбол не знал, да и сейчас не знает, а вдобавок к тому славным человеком.

В наше бесславное, глухое время это теплое слово как-то выпало из употребления. Еще не так давно, когда хотели о ком-нибудь хорошо отозваться, так и говорили: славный парень. Вспомним опять-таки «славное море, священный Байкал». У Льва Яшина слава поистине байкальская, уникальная. Но «слава человека» и «славный человек», хоть и общего корня, бывают разведены самой жизнью. Эти понятия достаточно редко совмещаются в одном лице – большие таланты, как правило, эгоистичны, капризны, а то и совсем неприятны. Однако к Яшину это правило не имеет никакого отношения. Он потому и славный человек, что в ореоле всемирной славы не превратился в памятник самому себе, не изменил своей совести, остался таким же доступным, сохранил неприятзательность, открытость, дружелюбие.

Жизнь Яшина, долгие годы казавшаяся безоблачной, обильно вознаграждала его за верную службу футболу, своей команде, своей стране, но и порядком трепала. Спортивные заслуги, высоченный авторитет в глазах спутников по ремеслу и трибунного многолюдья, сыпавшиеся со всех сторон почести во многом заслоняли и камуфлировали драматизм немилостивой судьбы. Видно, так у нас заведено, что даже славный человек, всеобщий любимец, и при жизни не мог избежать несправедливости, черствости, зависти, одиноче-

ства. Да еще удары по здоровью оказались более безжалостны, чем удары по воротам. Но он держал и их с той же стойкостью.

Мне повезло – многие десятки раз я видел Яшина в деле, был достаточно знаком с ним, хотя и не так близко, как мог бы при его контактности вообще, со мной, в частности (но сам виноват, потому что принципиально не желал входить в слишком дружеские отношения с футболистами – из опасения, что не смогу, как полагается журналисту, оценивать их объективно). За много лет вдоволь начитался о нем в наших и зарубежных источниках, послушался тех, кто знал его лучше и дольше меня. Вынося на суд читателей прежде всего авторское представление о легендарном вратаре, мне кажется важным познакомить их со взглядами самого Яшина, а также отразить широкий спектр мнений о разных сторонах его человеческой и творческой личности. Так что в собственные наблюдения и впечатления намеренно вживляю наиболее интересные отзывы, извлеченные из груды суждений по признакам их информативности, доказательности, тонкости, афористичности и... неприемлемости, чтобы сразу же оспорить стремление навести тень на плетень.

Один отзыв, больше похожий на пророчество, спешу привести сразу же. Вот что я вычитал во французском альманахе «Футбол» за 1962 год: «Существует ли продукт, который портился бы скорее, чем спорт? Нет, не существует, ибо одно достижение быстро перекрывает другое. Но время от време-

ни какой-либо выдающийся спортсмен сопротивляется эрозии забвения. Мы не боимся ошибиться в прогнозах: такая счастливая участь выпадет Льву Яшину». Эти слова оказались вещими.

Время в футболе бежит особенно стремительно. Быстротечная смена матчей и турниров, лихорадочная ротация игроков заслоняют и все дальше отдвигают от нас былых кумиров. Но и через 35 с лишним лет после ухода Яшина со сцены среди сегодняшних наших фанатов, даже не обремененных тягой к прошлому, вряд ли найдется такой, кто не слышал бы этого имени, оно и сейчас произносится с придыханием. Имя-то по-прежнему на слуху, а вот за какие такие заслуги попало в Пантеон вечной памяти, многие имеют весьма смутное и приблизительное представление. Поэтому и важно предварить биографические подробности сеансом посвящения в секреты особой живучести этого имени – что значил и значит Лев Иванович Яшин в футболе, каким драгоценным сокровищем виделся и видится коллегам, каким близким и понятным открылся простому стадионному люду.

С живых впечатлений о Яшине, сразу задающих планку в профессиональной и народной оценке его места в футбольной, спортивной, во всей российской истории, и начинаю путешествие вглубь биографии замечательного вратаря, которая этот высший балл шаг за шагом накапливала. Канва спортивных событий заодно превращается в главную козырную карту, которая сама по себе бьет рассказы злостных

выдумщиков. Казалось бы, нет резона специально вступать в спор, создавая им лишнюю рекламу одним только неоднократным упоминанием. Однако даже очевидные факты, а тем паче неоднозначные, подаются порой настолько предвзято, что эти толки явно нуждаются в полемическом сопровождении. Начиная уже с просветительского «предупреждения», каковы статус, вес, влияние Яшина в футбольном мире, – разве можно закрыть глаза на поползновения тем или иным макаром сбить ему цену, поколебать заслуженное делами положение на вратарском, вообще игроцком подиуме? Локальные, даже совсем мелкие поводы тоже не останавливают доброхотов от ядовитых укусов. Долголетняя бомбардировка читающей публики наскаками на Яшина уже отравила сознание части болельщиков – сам убедился в общении.

Почти пушкинским советом «не оспаривать глупца» мешает воспользоваться один нюанс. Даже кое-кто из благожелателей, посвященных в подробности замысла, предостерегал меня от излишнего присутствия в этой книге ополчившихся на Яшина «пигмеев»: «Их жалкие потуги давно забыты, не стоит всякие поклепы реанимировать, снова вытаскивать на белый свет». Увы, не забыты, как раз-таки, возможно, потому, что принадлежат не глупцам, не пигмеям, а персонам с тем или иным весом в спортивной среде. Не секрет, что на знакомые имена больше всего клюют легковверные. И если оставлять зловерные выплески без контрдоводов, они

так и будут вольготно гулять по белу свету. К тому же лежащую перед вами книгу можно рассматривать как некоторого рода свод мнений о Яшине. Подпиливать его замалчиванием сомнительных оценок нет нужды. Пусть люди получают представление о разных подходах. Пусть в конце концов усвоят, что можно ждать от тех самых узнаваемых лиц, кто позволяет себе зарваться или завратиться.

Верно заметила когда-то Марина Цветаева: «Читатели газет – глотатели клевет». Если бы только газет! Отравы уже перетекла из периодики в книги (особенно уважаемого некогда издательства «Молодая гвардия»), придавая кривотолкам несиюминутный заряд. Вот и ответ требуется адекватный, книжный. Но если тема сей вступительной главы и обстоятельность исторического захода возбуждают подозрение, что это сочинение затеяно ради отпора оппонентам, мой ответ таков: слишком много чести! Желание автора оспорить сомнительные мнения переросло в цель просто-напросто правдиво представить героя и его эпоху, отводя полемике вспомогательное место, то есть включая по ходу дела и мере необходимости. Неизмеримо больший интерес я нахожу в шансе сквозь череду биографических деталей и спортивных будней получше разглядеть самого Яшина, чтобы выудить истоки необыкновенности этого обыкновенного человека, по внешнему облику, привычкам и поведению похожего на соседа, встречного, сослуживца – любого из нас.

В странствии по десятилетиям и годам яшинской саги, не

менее чем этапы большого пути, как пафосно выразались газетчики советских времен, показательны и ухабы этого самого пути, о чем старались тогда помалкивать. Мало того, что их сглаживание ретушировало правду, невозможно было извлечь корень в понимании человека. Между прочим, мои скромные изыскания натолкнули на вопрос, почему в русский язык, родивший идиому «корень зла», равноправно не врос «корень добра». Видно, зло в нашей жизни, питающей язык, издавна слишком кричащее. Но герой повествования предоставил автору счастливую возможность искать и находить корни добра, и я не отказал себе в удовольствии даже озаглавить так последнюю, итожащую главу, где завидно высокие профессионализм и человечность Льва Ивановича Яшина, так или иначе рассыпанные по предшествующим страницам, сгущены и объединены как его исконная и органичная суть.

Задача передо мной нелегкая, но притягательная – представить эту масштабную фигуру как можно объемнее, предложить читателю ясное понимание, чем же этот «русский мирового значения» брал, пленял, сражал, покорял самых разных людей, имя которым – легион.

Глава вторая

Триумф без пощады

Бесценен, как шедевры «Прадо»

Весной 1989 года в Буэнос-Айресе, куда я был направлен в командировку на международную книжную ярмарку, опекавший меня работник советского торгпредства любезно поинтересовался, какие будут просьбы. У меня была только одна: организовать встречу с тренером сборной Аргентины Карлосом Билардо. На следующий вечер, едва мы устроились втроем в маленьком уютном кафе и не успел я еще открыть рот, чтобы задать первый вопрос наставнику чемпионов мира, он сам коршуном налетел со своим:

– Как дела у Яшина, как он себя чувствует? – спросил и впрямь похожий на коршуна человек по прозвищу Нос, знавший из прессы, как позже выяснилось, достаточно свежую конкретику о пошатнувшемся здоровье великого вратаря. Не дождавшись ответа, Билардо продолжал:

– В августе у меня сумасшедший график, но я обязательно вырвусь хоть на день в Москву на юбилей Яшина.

9 августа того же года он и явится прямо с корабля (правда, воздушного) на бал – его доставят из «Шереметьева» сра-

зу на улицу Лавочкина в переполненный пятидесяти тысяч человек зал Дворца спорта «Динамо», где уже будут в разгаре торжества по случаю 60-летия Яшина. А тогда в Буэнос-Айресе из отведенного на наш разговор часа он ухлопал не меньше половины времени на расспросы о Яшине, то и дело прерывавшиеся возгласами восхищения.

– Яшина я впервые увидел уже будучи профессионалом во время матча Аргентина – СССР здесь, на стадионе «Ривер Плейт», в ноябре 1961 года. И был покорен его игрой навсегда. Это было невиданно и по диапазону действий, и по их качеству, – говорил Билардо, а передо мной в далекой дымке времени поплыли кадры этого матча, снятого на пленку Борисом Набоковым, тренером Федерации футбола СССР и куратором комиссии пропаганды Федерации, куда я входил, – потому-то и получил приглашение посмотреть этот «киноматч».

Тогда не существовало ни видео, ни штатных операторов при командах, так что пришлось отправлять со сборной в знаменитое южноамериканское турне (три игры – три победы), по сути, кинолюбителя – впрочем, снимал он вполне пристойно. Отчетливо помню просмотр отснятого материала в Центральном Доме журналиста, проходивший под аплодисменты присутствовавших. Оставалось только пожалеть, что съемка оказалась недоступна для рядовых болельщиков, лишенных шанса лицезреть шедевр в исполнении сборной СССР. По мнению Андрея Старостина, это был луч-

ший матч сборной из тех, что он видел, а видел он с 1924 по 1987 год десятки игр, включая, разумеется, все сыгранные в годы 1959–1964, 1969—1970, когда работал начальником сборной команды.

После матча в Буэнос-Айресе, завершившегося победой гостей со счетом 2:1, местные газеты давали непривычную для нашего глаза денежную оценку игроков: «Метревели – 50 млн. песо, Месхи – 50 млн. песо, Яшин – без цены». Впрочем, годом раньше в Париже после заключительных игр Кубка Европы, выигранного сборной СССР, хозяин мадридского «Реала» дон Сантьяго Бернабеу выразил готовность выписать за переход Яшина чек на любую запрошенную сумму. Дело было на банкете в ресторане Эйфелевой башни. Футбольный олигарх, объявив за Валентина Иванова и еще некоторых игроков кругленькие суммы, подsunул Яшину незаполненную чековую книжку и под дружный, с подначками смех его партнеров предложил ему вписать любую сумму.

– Что смешного? – удивился Бернабеу, то ли наивно, то ли, скорее всего, деланно не понимая, что советские футболисты по суровым порядкам того времени продаже вообще не подлежали. – Вы молоды и не ведаете, что значит Яшин для футбола. Он бесценен, как лучшие картины из коллекции «Прадо».

Обо всем этом мы толковали с Билардо. А его неподдельный интерес к Яшину натолкнул меня на дерзкий экспромт. Дело в том, что во время командировки пришлось участ-

воваться в дискуссиях, встречах со множеством людей, отвечать на вопросы о том, что происходит в стране перестройки, и чуть ли не каждый считал своим долгом спросить у Бориса Ельцина – во всем мире на него пошла политическая мода, добрела она и до далекой Аргентины. Не хотелось бы грязнить повествование упоминанием этого несимпатичного персонажа, но только для того, чтобы было понятно, почему мне осточертело толковать о нем и пришлось перевести разговор, необходимо пояснение. Я был достаточно осведомлен о чудовищном лицемерии этого «борца с привилегиями», который тогда демонстративно, на глазах западных телевизионщиков и фоторепортеров, объявил о разрыве с кремлевским обслуживанием и записался в районную поликлинику, а вслед за этим, уже без свидетелей, тихой сапой, отправился отдыхать в сочинский кремлевский санаторий. Короче говоря, когда меня достали вопросами о будущем незадачливом президенте, на одном из «круглых столов» я неожиданно сам для себя, а тем более для остальных, произнес:

– Ваш Билардо, с которым я накануне встречался, не интересовался Ельциным, он расспрашивал о Яшине, и мне о нем говорить гораздо приятнее.

Из нескольких десятков присутствовавших, судя по выражению лиц, не каждый представлял, о ком речь, но многие, особенно мужчины, оживились, и мы с ними отняли у политизированной аудитории две-три минуты для обмена фраза-

ми на тему, для нее постороннюю.

Во время пребывания в Буэнос-Айресе я имел не одну возможность убедиться в том, что болельщиков – «инчас» можно было встретить в любом доме, в любой компании, даже, как выяснилось, в такой специфической аудитории, внезапно мною огорошенной. И среди них находились многие, кто помнил Яшина – если не по давним (1961, 1965) визитам в Аргентину сборной СССР, так по мировым чемпионатам или трансляции из Бразилии выставочной встречи двукратных чемпионов мира со сборной ФИФА (1968), хотя от всех этих событий нас отделяла очень протяженная дистанция времени, особенно по меркам быстротекущего, переменчивого футбола. Затевая это ретро-путешествие с читателями на 20 лет назад и за тридевять земель, я решил сам для себя, что оно может служить самым веским из множества подтверждений того, как яшинская слава преодолевает преграды времени и пространства.

Об официальном признании Яшина в спортивном мире и говорить не приходится. Оно нашло выражение в разнообразных наградах, таких, как Олимпийский орден, полученный в Москве из рук президента МОК Хуана Антонио Самаранча 27 июля 1985 года, или «Золотой орден за заслуги» Международной федерации футбольных ассоциаций (ФИФА), врученный ее президентом Жоао Авеланжем на конгрессе ФИФА 5 июля 1988 года в Цюрихе. Туда он был приглашен вместе с Пеле на открытие всемирной кампании в

поддержку fair play – честной игры. После выступления Пеле на эту тему 600 участников конгресса – президентов национальных и континентальных федераций, выдающихся тренеров, арбитров, других почетных гостей – громовой овацией стоя приветствовали нового футбольного орденоносца. Он увековечен и единственным именованным призом мировых чемпионатов, вручаемым ФИФА по предложению России с 1994 года лучшему вратарю финального турнира.

Лев Яшин попал в прямом и переносном смысле в самую десятку – десятку первых лауреатов футбольного Зала славы в Париже, открытого к чемпионату мира 1998 года. И в какой оказался компании: Эдсон Арантес ду Насименту – Пеле (Бразилия), Франц Беккенбауэр (Германия), Альфредо Ди Стефано (Аргентина – Испания), Стэнли Мэтьюз, Бобби Чарльтон (оба – Англия), Йохан Круифф (Нидерланды), Мишель Платини (Франция), Эйсебио Феррейра да Силва (Португалия), Ференц Пушкаш (Венгрия – Испания)! Тогда же на гала-представлении в Париже ФИФА объявила о включении Яшина и в символическую сборную XX века.

Международная федерация истории и статистики футбола (ИФФХС), которая в 2000 году определяла лучших футболистов минувшего века, в результате специального опроса провозгласила Льва Яшина вратарем столетия. Собрав 1002 балла, он существенно опередил англичанина Гордона Бенкса (717), итальянца Дино Дзоффа (661), немца Зеппа Майера (456) и испанца Рикардо Замору (443). Вот имена дру-

гих замечательных вратарей, не выдержавших конкуренции с Яшиным: Хосе Луис Чилаверт (Парагвай) – 373 очка, Петер Шмейхель (Дания) – 291, Питер Шилтон (Англия) – 196, Франтишек Планичка (Чехословакия) —194, Амадео Каррисо (Аргентина) – 192, Жильмар Невес дос Сантос (Бразилия) – 160, Ладислао Мазуркевич (Уругвай) – 144. Видимы в списке и Рината Дасаева с 89 баллами.

В Ротенбурге (Германия), где состоялось чествование победителей этого всемирного конкурса вратарей, на сцену для получения приза поднялась вместе с лауреатами XX века единственная женщина – вдова Яшина Валентина Тимофеевна, которая после кончины мужа не раз участвовала в подобных торжествах. Кадры кинохроники с отчаянными бросками Яшина наперерез форвардам и в углы ворот ведущий церемонии в Ротенбурге, как обычно, сопровождал навечно приросшими к нему эпитетами «фантастический», «неподражаемый», «великий». Жаль только, что вещественное доказательство славы «вратаря столетия» – миниатюрный мяч на подставке – доступен глазам считанного числа людей, входящих в дом Яшиных. А уж кому довелось подержать в руках этот суперприз, своим изяществом лишь подчеркивающий его вес, того неизбежно пробирает просветление чувств, оскорбленных многократными российскими поражениями, – я испытал это на себе.

На самую вершину признания возносили Яшина и бесконечные неофициальные рейтинги. В недалеком прошлом

весьма котировался состав символической сборной мира за 20 лет (1950–1970), открывавшийся фамилией Яшина, который занял второе место вслед за Пеле по числу поданных голосов. В 1983 году редакция солиднейшего английского журнала «Уорлд соккер» включила его в символическую сборную мира всех времен. К выходу 2000-го номера не менее авторитетного еженедельника «Франс футбол» (1984) была опубликована классификация лучших игроков за все время его существования с 1946 года, ставшая своеобразным подарком к 55-летию Яшина, который был объявлен сильнейшим из вратарей.

Награды и титулы не прекращали осыпаться на него даже после смерти. В 1992 году Яшин был включен в символическую сборную Европы всех времен по версии «Мастеркард». К чемпионату мира 1994 года в США оргкомитет совместно с ФИФА разослал специалистам разных стран опросные листы для определения «команды всех времен», которую газеты величали еще круче – «дрим тим» («команда мечты»). Во всех заполненных анкетах упоминались лишь трое – Пеле, Яшин, Беккенбауэр, в то время как недосчитались голосов такие «монстры», как бразильцы Джалма Сантос и Гарринча, англичане Бобби Чарльтон и Бобби Мур, даже аргентинец Диего Марадона. А итальянское агентство АНСА накануне «Миллениума», перебирая особо отличившихся итальянских и зарубежных атлетов, провозгласило Яшина лучшим иностранным спортсменом XX века.

Честность обязывает заметить, что Яшин фигурирует не во всех мировых рейтингах. Он не удостоился, например, ни одного упоминания в широком опросе, проведенном 10 редакциями спортивных журналов разных стран с целью определить лучшего футболиста XX века. Еженедельник «Футбол» в статье «Мантия величия» (2009) призывает огорчиться по этому поводу. Но стоит ли? Вратари по европейской футбольной традиции котируются обычно ниже полевых виртуозов – не только в рейтингах, но и на трансферном рынке: стоят всегда дешевле. Да и численно их меньше в десять раз. На две-три десятки корифеев атакующей игры в футбольной истории приходится всего несколько вратарей яшинского калибра, а кого включить в обойму избранных – дело вкуса. В подобных опросах принято предпочитать форвардов и атакующих хавов. Так что отсутствию Яшина в отдельно взятом конкретном рейтинге не удивляюсь. Меньше понимаю другое. В упомянутой статье на вопрос подзаголовка «Кто из отечественных игроков достоин статуса мировой звезды?» следует единственный верный ответ, что могли бы обрести международный звездный ранг Всеволод Бобров, Эдуард Стрельцов, Валерий Воронин и другие, а обрел один только Лев Яшин. Почему так получилось, вопрос другой, но зачем в качестве иллюстрации берутся результаты референдума, где и он, единственный, блистательно отсутствует? Ведь можно было воспользоваться массой других, чтобы не попасться на исключении из правил. Неужели, скажем, ме-

нее показательна уже приведенная нами первая десятка Зала мировой футбольной славы в Париже? А из последних рейтинговых новостей «сборная всех времен», представленная в конце 2007 года крупной итальянской газетой «Коррьере делло спорт». Лев Яшин занимает там свое законное место. Попал он и в «команду мечты», избранную в Интернете.

Уже XXI век на дворе, а Яшина знают и помнят сегодняшние обитатели трибун, хотя известно: чем дистанция времени удаленнее, тем больше симпатии склоняются к игрокам более знакомых поколений. Об этом напоминают выборы «дрим тим», объявленные на сайте ФИФА в 2002 году. В голосовании участвовали полтора миллиона (!) посетителей сайта. И большинство голосов получили игроки, прославившиеся в 80—90-х годах. Из старой генерации звезд, еще недавно превалировавшей в любых вариантах сборной всех времен, сохранили признание только четверо. И среди них – в компании с Беккенбауэром, Круиффом и, конечно же, Пеле – непревзойденный Лев Яшин.

Но не менее, а скорее даже более чем лавры официального или рейтингового признания заслуг Яшина, важны безмерное уважение коллег по международному футбольному сообществу – игроков, тренеров, арбитров и невероятная, я бы даже сказал, бешеная популярность среди любителей футбола разных стран, будь то английские «фэнс», итальянские «тифози», бразильские «торседорес» или, как мы видели, аргентинские «инчас».

Нисколько не преувеличивая, я осмелюсь говорить о каком-то особом влечении футбольного народа к Яшину. К нему были одинаково тепло расположены как сиятельные звезды – эти футбольные генералы, так и безвестные солдаты огромной футбольной армады. Как именитые писатели, актеры, государственные деятели, так и безымянные всегдагдаги трибун. Иначе чем магнитным свойством притяжения и интереса к нему невозможно объяснить примечательные факты, которые я свел в своеобразную мозаику для этой публикации, выбрав из целого массива такой фактуры.

Яшин был человек благодарный, дорожил добрым отношением к себе, но больше всего его грела профессиональная оценка «братьев по классу» – вратарей. Не замеченный в коллекционировании газетных и журнальных вырезок о своей персоне, потому как не придавал ей повышенного значения, тем не менее Лев Иванович сохранил экземпляр миланской «Гадзетта делло спорт» с высказыванием чемпиона мира 1982 года Дино Дзоффа: «Для меня идеалом голкипера служит Лев Яшин. Именно благодаря ему, его примеру, его опыту я продержался в футболе до 40 с лишним лет».

Что могло быть приятнее единственного в своем роде съезда лучших голкиперов мира, которых «папа» Дино и пригласил в 1983 году на свои торжественные проводы из большого футбола. В курортный городок Сан-Ремо, всемирно известный ежегодным конкурсом итальянской песни, съехались Владимир Беара (Югославия), Хосе Ирибар (Испа-

ния), Лев Яшин (СССР), Гордон Бенкс (Англия), Пит Шрайверс (Нидерланды), Иво Виктор (Чехословакия), Ян Томашевский (Польша), а также соотечественники Дзоффа вратари «скуадры адзурры» разных поколений – чемпион мира 1938 года Альдо Оливьери, Лоренцо Буффон (дядя лучшего вратаря наших дней, чемпиона мира 2006 года Пьерлуиджи Буффона), Джулиано Сартти. По предложению виновника торжества они сами и выбрали себе премьера – даже ценной некоторой невежливости к гостеприимному хозяину. Но при голосовании тот выразил лишь солидарность с остальными: общим избранником оказался Лев Яшин. Против него был подан всего один голос – его собственный.

Когда триумфатор вернулся в Москву, то рассказывал друзьям и журналистам о чем угодно из своих приятных и пестрых впечатлений – об ослепительной голубизне итальянского неба, непринужденности обстановки вратарского «саммита», прекрасном фильме, посвященном виновнику торжества, только не о результатах «плебисцита»: его скромность была неодолима никакой славой (первый редактор «Футбола» Мартын Мержанов, толкуя о замечательном вратаре, наградил его специально придуманным термином «славостойкость»). Однако о том, что в пользу Яшина со всей определенностью склонилась чаша весов самого значимого (потому как профессионального) референдума по определению вратаря № 1, протрубили все ведущие спортивные газеты мира. Коллегиальный пиетет перед Яшиным от-

борных лиц своего же, вратарского круга представляется мне знакомым. Но сами убедитесь, что не менее впечатляющи и другие, повсеместные случаи излучения признательности и восхищения.

В 1963 году на следующий день после феноменальной игры Яшина в Риме на «Стадио Олимпико» со сборной Италии (1:1) в матче Кубка Европы наша сборная отправилась на автобусную экскурсию по Вечному городу. На каком-то перекрестке автобус, как и другой транспорт, вынужден был беспомощно остановиться, блокированный шествием десятков тысяч демонстрантов. Вдруг один из них узнал через автобусное окно Яшина, махнул рукой товарищам, автобус был тут же окружен плотным кольцом восторженных людей. Яшину пришлось выйти и приветствовать их, после чего цепь демонстрантов магически разомкнулась, позволив пересечь заполненную толпами людей магистраль.

Аналогичные примеры преклонения перед великим советским спортсменом привозили из разных стран многие очевидцы. В Испании к окну автобуса, за которым виднелся Яшин, женщины поднимали своих детей только чтобы те взглянули на него. В Дании при пограничном досмотре таможенник, едва заглянув в паспорт, вскочил и взял под козырек со словами «Добро пожаловать в Копенгаген!». Во время турне советских футболистов по Франции в вагоне-ресторане поезда Париж – Марсель пассажиры спокойно обедали, пока официанты в одном из них не опознали Яшина

и, начисто забыв французскую вежливость, бросили остальных клиентов, сгрудились вокруг футбольной знаменитости и переключили на нее все свое внимание.

В Белграде в день выставочного матча Югославия – Европа (1964) по радио шла утренняя детская передача, где звучала веселая песенка про царя зверей по имени Лев. На следующее утро, когда в югославской столице только и разговоров было, что про блестящее выступление гостей (7:2) и особенно Яшина с Эйсебио, песенка была повторена, только у царя появилась фамилия – Льва звали Яшин!

Южноамериканское турне «Динамо» 1964 года предусматривало единственный матч в Боливии – против местного чемпиона команды «Боливар». Повреждение ноги вынудило Яшина просить о снисхождении – на игру его не ставить: «Я даже упасть не могу». Но организаторы умоляли: «Вам не надо падать, только выйдите на поле, и все будут счастливы». Начало игры было задержано на 40 минут – Яшину пришлось продирааться в раздевалку сквозь толпу, к нему хотели прикоснуться мэр, полицейские, дети, инвалиды в колясках и не хотели отпустить, пока не пожмут руку. А в игре вратарь с лангеткой на ноге творил такие чудеса, что советские участники матча (4:1 в пользу гостей) находили только одно сравнение – с бенефисом на Олимпийском стадионе в Риме годом раньше.

Во времена Франко, когда самолеты «Аэрофлота» в Испанию не летали, футболистам «Динамо» пришлось отпра-

латься туда на международный турнир через Париж, где их должны были ждать визы. Оказалось, что из-за какого-то недоразумения вовсе не ждали, а представителей турфирмы, которая все это обязалась организовать, в парижском аэропорту «Бурже» не оказалось. Но оказался человек, который в одном из транзитных пассажиров узнал Льва Яшина – подошел справиться, не обознался ли он. Услышав о случившемся, взялся помочь. Он оказался хозяином другой турфирмы, быстро организовал автобус, поселил всю команду за свой счет в отеле, связался с коллегами, которые так подвели, обеспечил испанские визы. Яшин спросил доброго человека, как его отблагодарить. Тот попросил автограф для себя, а также для служащих и клиентов отеля, где разместил делегацию. На следующее утро за автографом к живой легенде выстроилась очередь. Вот что значило имя Яшина!

В Финляндии через 15 лет после завершения яшинской карьеры его узнали в столичном кафе туристы из Германии и забегали вокруг столика с фотокамерами, а на рыбном рынке в центре Хельсинки продавец, могучий финский рыбак, взвешивая товар, пристально всматривался в покупателя и спросил: «Черный паук?» Тот же вопрос, тыча пальцем в почтовую марку с изображением Яшина, известного во всем мире под этим прозвищем, задал еще дюжину лет спустя, в 1998-м, чернокожий парнишка российским делегатам на Всемирной филателистической ярмарке в столице бразильского футбола Рио-де-Жанейро, где советского вратаря ви-

дели на «Маракане» торседорес-дедушки, чтобы рассказать, как убеждаемся, торседорес-внукам.

Трогательный эпизод поведал Алексей Парамонов: «В 1965–1966 годах я работал тренером тунисской команды «Этуаль». Однажды проходил по узкой улочке арабского квартала, где мальчишки играли в футбол. Они знали, что я тренирую их любимую команду, и, увидев меня, закричали хором: «Яшин! Яшин!» В те годы телевидение в Тунисе было доступно только очень богатым людям и ребяташки не могли видеть игру Льва Ивановича, однако он был настолько велик в их глазах, что любой советский человек непременно ассоциировался у них с Яшиным».

Все эти и многие неупомянутые случаи подобного рода говорят о том, что Лев Яшин не принадлежал к сонму мимолетных кумиров, которых толпы людей готовы какое-то время носить на руках, чтобы потом забыть. В самых разных странах он растормошил более глубокие, более прочные человеческие чувства, когда симпатии замешены на уважении, переходящем в почтение. И если неисчислимое множество людей, обыкновенных болельщиков, в такой приверженности обмануть трудно, то относительно немногих профессионалов, познающих цену партнера или соперника на близком расстоянии и по строгому счету, – вообще невозможно.

И все же в свое время совершенно неожиданно прозвучала, да не один раз, а в ряде интервью, твердая убежденность легендарного бразильского футболиста – Маноэля Франсис-

ко дос Сантоса, известного по прозвищу Гарринча, что Яшина мало назвать лучшим вратарем – он вообще величайший футболист, которого и сравнить не с кем в искусстве игры. Специфика вратарского дела обычно ставит стражей ворот особняком, стеной отделяя от полевых игроков в оценках специалистов. Но для Гарринчи не существовало общепринятых стандартов ни на поле, ни в поведении, ни в высказываниях. Простодушный и прямодушный, он был чист в искренности своего потрясения яшинской личностью. И оказался в этом не одинок.

«Больше всего я дорожу голом в ворота Льва Яшина», – признавался французский нападающий Жюст Фонтэн, чей рекорд на чемпионате мира 1958 года (13 мячей), видно, никогда не будет побит. Единственный мяч Яшину Фонтэн забил на следующий год в товарищеском матче «Реймса» со сборной клубов СССР (1:4). «Нападающий, забивший хоть раз Яшину, может написать это на своей визитной карточке, – говорил рекордсмен, – и писать больше ничего не надо! Лично я этим голом горжусь не меньше, чем всеми тринадцатью, забитыми в мировом первенстве!»

В 1964 году в Мадриде на финале Кубка Европы в нашу раздевалку, не убоившись подозрений и упреков правивших тогда франкистов, явился собственной персоной прославленный Рикардо Замора. Он отвесил низкий поклон Яшину со словами: «Вы лучше всех нас».

Другой знаменитый вратарь – чемпион мира 1958 и 1962

годов Жильмар Невес дос Сантос, или просто Жильмар, накануне следующего мирового первенства просматривал вместе с товарищами по сборной Бразилии киноплёнки, запечатлевшие игру возможных соперников. Когда показывали кадры с фрагментами действий советской команды, в них то и дело мелькал Яшин со своими рейдами за границы штрафной площади и бросками в ноги противнику. Жильмар кричал: «Повторите! Крутите плёнку назад!»

По окончании четвертьфинала чемпионата мира 1966 года СССР – Венгрия (2:1), состоявшегося в Сандерленде, необычно и даже странно повел себя искушенный испанский судья Гарай Хуан Гардесабал. Дав финальный свисток, он властным жестом неожиданно пригласил на поле репортеров и сфотографировался с командами. А затем подозвал к себе Яшина, блиставшего в тот день, и сфотографировался с ним отдельно.

На заключительном приеме по завершении того же мирового форума в лондонском «Ройял гарден отел» славили в основном чемпиона мира – сборную Англии, на остальных мало обращали внимания. Вдруг слово попросил председатель оргкомитета следующего чемпионата (1970) мексиканец Гильермо Канедо и от имени оргкомитета объявил Яшина лучшим вратарем прошедшего турнира. Через некоторое время почтивший прием своим присутствием премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон попросил подвести его к Яшину и познакомиться. После теплого рукопожа-

тия глава британского правительства рассказал, что смотрел несколько матчей первенства... в Москве по телевидению – он выезжал туда на открытие национальной выставки. В ходе беседы Вильсон сделал неожиданное признание: «Не думайте, что я знаю вас только по «матчу века» на «Уэмбли» в 1963 году. Уже почти двадцать лет я слежу за «Динамо» и «Спартакoм». Примите благодарность за прекрасную игру на нашей земле». Да, было время, когда и за нашим чемпионатом следили, как мы сейчас – за английским или испанским.

В 1970 году 40-летний Яшин отправился в свое четвертое путешествие на чемпионат мира, но на сей раз оставался в запасе, на поле не выходил, призванный опекать своих молодых партнеров по команде в качестве «дядьки». 30-летний Пеле также явился на свой четвертый мировой форум, но играл, и еще как. Эта разница не помешала Яшину, по данным специального опроса, пользоваться таким же вниманием публики – они с Пеле namного опередили в популярности всех остальных гостей Мехико.

Так получилось, что Яшин вместе с другим вратарем – Леонидом Шмуцем прилетел туда позже советской делегации. Когда вышел из самолета, увидел толпу людей. Решил, что ждут какую-то важную особу. Так и было, только этой особой оказался он сам. Все журналисты, уже успевшие прибыть на чемпионат, явились в аэропорт, а с ними тысячи болельщиков, узнавших из газет о прибытии Яшина. Мой при-

атель, «югославский Озеров» – известный телекомментатор Драган Никитович по прозвищу Никита, позже рассказывал, что не смог пробиться в зал, где была устроена пресс-конференция Яшина.

Перед матчем открытия Мексика – СССР стадион «Ацтека» взорвался гулом приветствия в адрес своих футболистов, когда они выбежали на разминку. Но только шум стих, главная трибуна целиком как по команде отвернулась от поля, экспансивные мексиканцы вскочили на ноги, размахивая своими сомбреро и подушками для сиденья. Вся VIP-ложа во главе с президентом Мексики Диасом Ордасом завертела головами: что происходит? А это публика бурно приветствовала появившегося на трибуне резервного советского вратаря Яшина. Один автограф русского ветерана, по прикидкам местных газет, стоил в Мехико трех итальянских или английских.

Не знаю, был ли кто-нибудь, кроме Яшина, удостоен чести проведения прощального матча с приглашением мировых звезд не только в своей, но и в чужой стране. В 1971 году после съезда высоких гостей в Москву на матч 27 мая между сборными ФИФА и советского «Динамо» стараниями итальянских поклонников и друзей Яшина во главе с Джачинто Факкетти не менее представительная компания знаменитостей собралась на матч сборных команд ветеранов мира и Италии.

31 августа в Милане, на стадионе «Сан-Сиро», многочис-

ленные «тифози» закатили форменный рев негодования, когда во втором тайме была объявлена заранее предусмотренная замена Яшина другим игроком. Но Карло Маттрел из «Ювентуса» так и не смог занять ворота. Не допустив такого «безобразия», зрители после игры хлынули на поле и унесли героя дня на руках. Лев Иванович потом с улыбкой, но и содроганием вспоминал, как, плывя по воздуху, почувствовал, что... его раздевают – сначала сняли одну бутсу, тут же вторую, стянули свитер, добрались и до трусов, милостиво оставив на нем только плавки, и в таком виде доставили прямо в раздевалку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.